

# МАЛЬЧИКИ

Пьеса в двух частях  
по мотиву романа Ф. Достоевского  
«Братья Карамазовы»

## ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алеша Карамазов.  
Госпожа Хохлакова.  
Лиза — ее dochь.  
Коля Красоткин.  
Штабс-капитан Снегирев.  
Илюша — его сын.  
Варя — его dochь.  
Нина — его dochь.  
Арина Петровна — его жена.  
Смуров }  
Карташов } — школьники.  
Дмитрий Карамазов.  
Хозяйка квартиры Снегирева.  
Московский доктор.  
Приказчик.  
Мужик Матвей.  
Умный мужик.  
Торговка Марья.  
Юлия — горничная.  
Мужики, бабы, школьники.

## ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Улица провинциального города. Трактир с большой вывеской: «Трактир „Столичный город“». Из трактира с криками, воплями, хохотом, возгласами возмущения и одобрения, со свистом вываливается толпа. Впереди захмелевший от вина и яости Дмитрий Карамазов выволакивает на улицу штабс-капитана Снегирева.

Он тащит его то за шиворот, то за бороду. Улюлюкающая уличная толпа. Тут все персонажи улицы — торговки, мужики и бабы, парни и девки, дворники, прохожие.

Возгласы. Так его, так!

- Тряси продажную душу!
- Да за что же, помилуйте!
- Не за что, под руку подвернулся!
- Есть за что, есть!
- Нельзя так человека!
- Не будь подлецом!
- Наддай ему!
- Об стенку его бей, об стенку!

В это время появляется толпа школьников. Дети с загоревшимися глазами бросаются к дерущимся.

Первый мальчик. Замечательная картина!

Второй мальчик. Вот здорово!

Третий мальчик. Это Дмитрий Карамазов. Кого это он валит?

Вдруг от толпы школьников отделяется маленький худенький мальчик и с криком «папа» бросается к избиваемому. Это Илюша Снегирев.

Илюша (Дмитрию Карамазову). Пустите, это мой папа! Оставьте его! Оставьте папочку, пустите! Простите его, ну, пожалуйста, простите папу! (Ловит руку Карамазова, целует ее.) Ради Христа, отпустите папу!

Дмитрий Карамазов (переставая бить Снегирева). Хоть ты и отставной штабс-капитан, но офицер. И я офицер. Если можешь найти порядочного секунданта, порядочного человека, — присытай! Дам удовлетворение, хоть ты и мерзавец. (Снова бьет Снегирева.)

Илюша. Не надо бить папу! (Он почти висит на могучей руке Дмитрия Карамазова и, покрывая общий гул и хохот, кричит.) За что вы его, за что! Пустите! Ради Христа!!!

## Темнота.

Луч прожектора выхватывает стоящую на возвышении фигуру Алеши Карамазова. Он в подряснике, полуинточеской черной шапочке.

Алеша (держит в руках письмо, читает). «Алексей Федорович, пишу вам от всех секретно. Я не могу больше жить, если не скажу вам того, что родилось в моем сердце, а этого никто, кроме нас двоих, не должен знать. Бумага, говорят, не краснеет. Это неправда, краснеет она так же точно, как и я теперь. Милый Алеша, я вас люблю, люблю еще с детства, с Москвы, когда вы были совсем не такой, как теперь, и люблю на всю жизнь. Я вас избрала. Насчет же лет наших мы по-дождем, сколько приказано законом. К тому времени я непременно выздоровлю, буду ходить и танцевать. Что подумаете вы обо мне, когда прочтете? Умоляю вас, когда вы завтра к нам придете, не глядите мне прямо в глаза, потому что я непременно рассмеюсь, а к тому же вы будете в этом длинном платье. Даже теперь я вся холодаю, когда об этом подумаю. Когда войдете, смотрите на маменьку или на оконко... Вот я написала вам любовное письмо, Алеша, не презирайте меня. До свиданья, до ужасного свиданья. Лиза».

Темнота.  
И сразу же крики мальчиков. Сцена освещается. Улица. Мосток через канаву. Кирпичная стена дома. Через сцену бежит Илюша, и за ним шестеро мальчиков — его куды. Град камней летит в стену. Вбегает Алеша и становится между Илюшой и его врагами.

Алеша. Перестаньте, остановитесь! Что вы это! Не стыдно ли, господа! Шестеро на одного, да вы убьете его!

В это время Илюша пустил камень и попал в Алешу Карамазова.

Первый мальчик. Это он в вас, в вас. Он нарочно в вас метил.

Мальчики (кричат). Ведь вы Карамазов!

— Карамазов!  
— А ну, все разом в него пали!

Град камней опять полетел в Илюшу.

— Лупи его!  
— Сажай в него, Смуров!  
— Пали!

Алеша. Не смейте, как не стыдно! Прекратите, господа!

Карташов. Он сам первый начал!

Смуров. Он давеча Красоткина перочинным ножом пырнул, кровь потекла. Красоткин только жаловался не хотел. (Показал на стоящего в стороне Колю Красоткина, который в драке участия не принимает.)

Красоткин. Чепуха, царапина.

Первый мальчик. А Красоткин знаете какой смелый!

Второй мальчик. Красоткин под поезд ложился.

Алеша. Как это?

Первый мальчик. Лег между рельс, а над ним поезд прошел. Алеша. Зачем он это сделал?

Второй мальчик. От храбости.

Карташов (бросил в Илюшу камень). Его надо избить!

Алеша. Господа, вы, верно, сами его дразнили до этого. (Вздрогнула от того, что в него опять попал камень,пущенный Илюшой.)

Смуров. Вот он вам опять камень в спину послал. Он вас знает.

Первый мальчик. Это он в вас теперь кидает, а не в нас.

Второй мальчик. Ну, все в него, не промахивайся!

Карташов. Смуров, пали!

Алеша. Господа, прекратите. Сейчас же прекратите!

Первый мальчик. Он Жучку погубил!

Алеша. Какую Жучку?

Смуров. Собаку! Она по его вине издохла. Он злодей!

Илюша перебежал на другое место, подальше.

Мальчики (загадали). — Ага, струсил!

— Убежал, мочалка!

Смуров (Алеше). Видите, он остановился, опять ждет и на васглядит.

Мальчики. На васглядит, на вас!

Карташов. Спросите его, любит ли он банную мочалку, расстремпанную. Спросите!

Алеша двинулся в сторону Илюши.

Смуров. Не ходите, он вас зашибет.

Алеша. Господа, я его спрашивать о мочалке не буду, потому что вы, верно, его этим как-нибудь дразните. Я узнаю, за что вы его так ненавидите...

Мальчики. Узнайте! Узнайте!

Карташов. Смотрите, он вас не побоится, он вдруг пырнет исподтишка... как Красоткина...

Мальчики (хором, скандируя). Мо-чал-ка! Мо-чал-ка! (С ходом убегают.)

Алеша идет к Илюше. Остановился в двух-трех шагах от него.

Илюша. Я один, а их шесть... Я их всех перебью один, всех!

Алеша. Вас один камень, должно быть, очень больно ударили.

Илюша. А я Смурову в голову попал!

Алеша. Они мне сказали, что вы меня знаете и за что-то в меня камнем бросили?

Илюша молчит.

Я вас не знаю. Разве вы меня знаете?

Илюша. Не приставайте!

Алеша. Хорошо, я пойду. Только я вас не знаю и ничем не обидел. До свиданья. (Пошел.)

Илюша (след). Монах в гарнитуровых штанах! (Пускает в спину Алеше довольно увесистый камень.)

Алеша (оборачиваясь). Так вы сзади? Они правду говорят про вас — нападаете исподтишка? (Он хотел еще что-то сказать, но камень летит ему прямо в лицо. Алеша заслонился, и камень ударил ему в локоть.) Как вам не стыдно! Что я вам сделал?

Илюша вдруг сорвался с места, бросился на Алешу и зубами впился ему в руку. Алеша закричал от боли. Илюша отскочил и, злобно сверкая глазами, ждет нападения Алеши.

Ну, хорошо, видите, как вы меня сильно укусили, ну и довольно ведь, не так ли? Теперь скажите, что я вам сделал?

Вместо ответа Илюша вдруг громко, в голос заплакал и побежал прочь.  
Темнота.

Гостиная госпожи Хохлаковой.  
В комнате госпожа Хохлакова, Алеша Карапазов и дочь Хохлаковой Лиза, сидящая в кресле-каталке.

Хохлакова (взволнованно). Произошло нечто ужасное, Алексей Федорович. Сейчас, когда вы подходили к нашему дому, Лиза вдруг увидела вас в окно — она с утра у окна сидела, — вскрикнула, и с ней случилась истерика.

Лиза (смеясь). Мама, это с вами теперь истерики, не со мной.  
Хохлакова. И немудрено, Лиза, немудрено, от твоих капризов и со мной истерики будут... Алексей Федорович, она всю ночь была в жару, стонала! Я насили дождалась утра и доктора Герценштубе. Он говорит, что ничего не может понять и что надо обождать. Этот Герценштубе всегда придет и говорит, что ничего не может понять, всегда!

Лиза. Мама, я совсем не видела, что Алексей Федорович подходит. Я вовсе не от него в эту комнату захотела переехать.

Хохлакова. Это уж неправда, Лиза. Да и Юлия прибежала сказать, что Алексей Федорович идет. Она у тебя в сторожах на крыльце стояла.

Лиза. Ужасно неостроумно с вашей стороны, мама. И если хотите поправиться и сказать что-нибудь умное, то скажите, милая мама, милостивому государю Алексею Федоровичу, что он уж тем одним доказал, что не обладает остроумием, что решился прийти к нам, несмотря на то, что над ним все смеются.

Хохлакова. Лиза, ты слишком много себе позволяешь!

Алеша (Хохлаковой). Я бы вас очень попросил дать мне какую-нибудь чистую тряпочку, чтобы завязать палец. Я очень поранил его, он у меня мучительно болит. (Развертывает укушенный палец.)

Госпожа Хохлакова и Лиза увидели намокший от крови платок.

Хохлакова (вскрикивает). Боже, какая рана, это ужасно!

Лиза. Что же вы стояли и молчали все время! Где это вы, как? Воды, мама, прежде всего воды, надо рану промыть, опустить в холодную воду, чтобы боль перестала... Скорей, скорей, мама, воды в полоскательную чашку!

Хохлакова. Не послать ли за Герценштубе?

Лиза. Мама, вы меня убьете! Ваш Герценштубе приедет и скажет, что ничего не может понять! Сходите за водой. Поторопите Юлию!

Алеша (растерянно). Да это же пустяки, вовсе пустяки!

Лиза. И этой едкой, мутной воды для порезов, ну, как ее зовут! У нас она есть... Вы знаете, где склянка, — в спальне вашей, в шкафике налево.

Хохлакова. Сейчас, Лиза, сейчас принесу все, только не кричи. Видишь, как Алексей Федорович твердо переносит свое несчастье. (Ушла.)

Лиза. Прежде всего отвечайте на вопрос: где это вы так себя изволили поранить? А потом уж я с вами буду говорить совсем о другом. Ну?

Юлия приносит воду и уходит.

Алеша. Мальчики-школьники дрались. Шестеро на одного. Я хотел вступиться... Но представьте, этот мальчик, на которого нападали, вдруг ни с того ни с сего укусил меня. Вот сюда, в палец.

Лиза. Ну можно ли, можно ли вам, да еще в таком платье, связываться с мальчишками! Да вы сами после того мальчик, самый маленький мальчик, и больше ничего! Теперь второе. Но прежде вопрос: можете ли вы, Алексей Федорович, несмотря на страдание от боли, говорить о совершенных пустяках, но говорить рассудительно?

Алеша (держа руку в воде). Совершенно могу, да и боли я теперь не чувствую.

Лиза. Это оттого, что ваш палец в воде. (Тихо и быстро.) Мигом, мильй Алексей Федорович, мигом извольте отдать мне мое письмо, которое я вам послала вчера. Мигом, потому что сейчас может прийти маменька, а я не хочу...

Алеша. Со мной нет письма.

Лиза. Неправда, оно с вами. Я так и знала, что вы так ответите. Мигом, мигом! Оно у вас в этом кармане. Я так раскаивалась в этой глупой шутке всю ночь. Воротите письмо сейчас, отдайте.

Алеша. Оно там осталось, в келье.

Лиза. Не можете же вы меня считать за маленьку девочку. Дайте письмо.

Алеша. Его со мной нет.

Лиза. Вы непременно принесите мне его. Сегодня же. Слышите, сегодня!

Алеша. Сегодня никак нельзя. Я уйду в монастырь и не приду к вам дня два-три, четыре, может быть. Старец Зосима умирает...

Лиза. Четыре дня, какой вздор! Послушайте, вы очень надо мной смеялись?

Алеша. Я ни капли не смеялся.

Лиза. Почему же?

Алеша. Потому что я совершенно всему поверил.

Лиза. Вы меня оскорбляете!

Алеша. Нисколько. Я как прочел, так тотчас и подумал: все этак и будет. Я, как только умрет старец Зосима, должен буду выйти из монастыря. Так он мне приказал. Я буду продолжать курс и сдам экзамены. А как придет законный срок, мы и женимся. Я вас буду любить. Хоть мне и некогда было думать, но лучше вас я жены не найти. И мне старец велит жениться... Он сказал: я не должен сам спасаться в монастыре, а обязан идти в жизнь, помогать людям. Так приказал.

Лиза. Так ведь я урод, меня в креслах возят!

А л е ш а. Я вас сам буду в кресле возить. Но я уверен, вы к тому сроку выздоровеете.

Л и з а. Вы сумасшедший, из такой щутки и вдруг вывели такой вздор!

Входит Х о х л а к о в а.

Мама, вообразите себе, он с мальчишками дорогой подрался на улице, и это мальчишка его укусил. Ну скажите, не маленький ли он сам мальчишкой! А он хочет жениться. Вообразите себе, он хочет жениться, мама!

Х о х л а к о в а. Ну как же жениться, Лиза, с какой стати именно сейчас, когда этот мальчик, может быть, бешеный.

Л и з а. Мама! Разве бывают бешеные мальчики?

Х о х л а к о в а. Почему же не бывают. Точно я глупость сказала. Вашего мальчика укусила бешеная собака, и он стал бешеный мальчик, и вот кого-нибудь укусил около себя, в свою очередь... Как она вам хорошо перевязала, Алексей Федорович, я бы никогда так не сумела. Чувствуете вы теперь боль?

А л е ш а. Теперь очень небольшую.

Л и з а. А не боитесь ли вы воды? (*Брызгает на Алешу водой.*)

Х о х л а к о в а. Ну, довольно, Лиза, я, может быть, в самом деле очень поспешно сказала про бешеного мальчика, а ты уж сейчас и вывела... Алексей Федорович, мне нужно с вами поговорить наедине, серьезно.

Л и з а. Мама, он не может, он слишком страдает.

А л е ш а. Совсем не страдаю и очень могу говорить.

Х о х л а к о в а (*Алеше*). Пойдемте.

Л и з а. Как! Вы уходите? Так-то вы!

А л е ш а. Что ж, ведь я, когда кончу, опять приду, и мы опять сможем говорить сколько угодно. Но я хочу как можно скорей воротитьесь сегодня в монастырь.

Л и з а. Мама, возьмите его и скорее уведите. Алексей Федорович, не трудитесь заходить ко мне после разговора с мамашей. Ступайте прямо в ваш монастырь, туда вам и дорога! Я спать хочу, я всю ночь не спала.

А л е ш а. Не знаю, чем я... Я останусь еще минуты три, если хотите, даже пять.

Л и з а. Даже пять! Уведите, уведите же его скорее, мама! Это монстр!

Х о х л а к о в а. Лиза, ты с ума сошла!

Л и з а (*кричит*). Юлия! Юлия!

Вбегает Ю л и я.

Увези меня отсюда скорей, я спать хочу, спать.

Юлия увозит Лизу.

Х о х л а к о в а. Как это вы на нее так скоро нагнали сон. Прекрасно!.. Послушайте, Алексей Федорович, Катерина Ивановна, невеста вашего брата Дмитрия Федоровича, просила меня передать вам вот что: неделю... да, кажется, она так и сказала — неделю назад ваш

брат Дмитрий Федорович сделал один горячий и несправедливый поступок, безобразный. Избил отставного штабс-капитана... Этот обиженный — очень бедный человек. Фамилия его Снегирев... Катерина Ивановна просит вас, добрейший Алексей Федорович, сходить к нему, отыскать предлог, войти к нему, то есть к этому штабс-капитану... о боже, как я сбиваюсь... и деликатно, осторожно, именно как только вы один сумеете сделать, — отдать ему, вот, двести рублей. (*Достает деньги, протягивает Алеше.*) Уговорите его принять... Это не то что плата ему за примирение, а просто сочувствие, желание помочь... Одним словом, вы сумеете. Катерина Ивановна сама бы поехала, но вы сумеете гораздо лучше. Вы ангел, Алексей Федорович, ангел...

А л е ш а (*берет деньги*). Хорошо, я попробую.

Ю л и я (*входит*). Барышня сильно плачет.

Х о х л а к о в а. Сейчас, сейчас... Идите, Алексей Федорович.

А л е ш а. Простите, может быть, обождать? Лиза плачет...

Х о х л а к о в а. Не верьте слезам женщины, Алексей Федорович, я всегда против женщин в этом случае, я за мужчин.

Л и з а (*распахивая двери*). Мама, вы его портите и губите. За что вы попали в ангелы? (*Смеется*.)

А л е ш а. Не знаю. До свиданья, Лиза. (*Уходит*.)

Л и з а. Мама, я просто не знаю, что мне с вами делать!

Т е м н о т а.

В доме штабс-капитана Снегирева. Крайне бедная комната. Штабс-капитан Снегирев хлопочет у стола. У окна стоит его старшая дочь, Варя. В кресле сидит жена Снегирева, Арина Петровна. На кровати за занавеской больной Илюша. У стола читает книгу младшая дочь Снегирева, Ниночка. Стук в дверь.

С н е г и р е в. Кто таков? Войдите!

Входит А л е ш а. Увидев столь бедную обстановку, растерялся.

В а р я. Монах на монастырь просит. Знал, к кому прийти!

С н е г и р е в (*подбегая к Алеше*). Нет-с, Варвара Николаевна, это не то-с, не угадали-с. Позвольте спросить, в свою очередь, что побудило вас-с посетить... эти недра-с?

А л е ш а. Я... Алексей Карамазов...

С н е г и р е в. Отменно умею понимать-с. Штабс я капитан-с Снегирев-с, в свою очередь, но все же желательно узнать, что именно побудило...

А л е ш а. Да я так только зашел. Мне хотелось бы вам сказать одно слово... Если только позволите...

С н е г и р е в. В таком случае вот и стул-с, извольте взять место-с. Это в древних комедиях говорили: «Извольте взять место»...

Ставит для Алеши стул чуть ли не посередине комнаты, сам садится к нему в упор, так, что колени их почти соприкасаются.

Николай Ильич Снегирев-с, русской пехоты бывший штабс-капитан-с. Чем мог возбудить столь любопытства, ибо живу в обстановке, невозможной для гостеприимства.

А л е ш а. Я пришел... по тому самому делу...

С н е г и р е в. По тому самому делу?

Алеша. По поводу той встречи вашей с братом моим Дмитрием Федоровичем.

Снегирев. Какой же это встречи-с? Это уж не встреча-с...

Илюша (громко, из-за занавески). Это он на меня, папа, тебе жаловаться пришел! Я ему давеча палец укусил!

Снегирев. Какой такой палец укусил? Это вам он палец укусил-с?

Алеша. Да, мне. Давеча он на улице с мальчишками камнями перебрасывался. Они в него шестеро кидают, а он один. Я подошел к нему, а он и в меня камнем бросил. потом другой — мне в голову. Я спросил, что я ему сделал? Он вдруг бросился и больно укусил мне палец, не знаю, за что.

Снегирев. Сейчас высеку-с! Сею минутой высеку-с!

Алеша. Да я вовсе не жалуюсь, я только рассказал... Я вовсе не хочу, чтобы его высекли. Да он, кажется, теперь и болен...

Снегирев. А вы думали, я высеку-с? Что я Илюшечку возьму да сейчас и высеку пред вами для вашего полного удовлетворения? Скоро вам это надо-с? Жалею, сударь, о вашем пальчике, но не хотите ли — я, прежде чем Илюшечку сечь, свои четыре пальца сейчас же на ваших глазах для вашего справедливого удовлетворения вот этим самым ножом оттряпаю. Четырех-то пальцев, я думаю, вам будет довольно-с для уголения жажды мщения-с, пятого не потребуете-..

Алеша. Я, кажется, все понял. Значит, ваш мальчик бросился на меня как на брата вашего обидчика... Это я теперь понимаю. Но брат мой Дмитрий Федорович раскаивается в своем поступке. Если только ему возможно будет прийти к вам, или всего лучше свидеться с вами опять в том самом месте, он попросит у вас при всех прощения... если вы пожелаете.

Снегирев. То есть вырвал бороденку и попросил извинения... Все, дескать, закончил и удовлетворил, так ли-с?

Алеша. Нет. Напротив, он сделает все, что вам будет угодно!

Снегирев. Так что, если бы я попросил его светлость стать на колени предо мной в этом самом трактире-с «Столичный город» или на площади-с, так он и стал бы?

Алеша. Да, он станет и на колени.

Снегирев. Пронзили-с. Прослезили меня и пронзили-с. Слишком наклонен чувствовать великолюбие вашего братца. Позвольте же отрекомендоваться вполне: моя семья, мои две дочери и мой сын — мой помёт-с. Пока живу, кто меня, скверненьского, кроме них, возлюбит! Великое это дело устроил господь для каждого человека в моем роде-с. Ибо надобно, чтоб и человека в моем роде мог хоть кто-нибудь возлюбить-с...

Алеша. Это совершенная правда!

Варя (отцу). Да полноте наконец паясничать! Какой-нибудь дурак придет, а вы срамите!

Снегирев. Повремените немного, Варвара Николаевна, позвольте выдержать направление. Это уж у нас такой характер-с.

И ничего во всей природе  
Благословить он не хотел.

То есть надо бы в женском роде: благословить она не хотела-с. Варвару Николаевну, dochь мою, не очень-то осуждайте-с, обиженная. Прибыла она к нам летом, а было с ней шестнадцать рублей, уроками заработала и отложила на отъезд, чтобы в сентябре, то есть теперь-то, в Петербург на них воротиться. Курсистка-с! Рвется там, на берегах Невы, права русской женщины отыскать! А мы взяли денежки-то ее и проели, и не на что ей теперь воротиться, вот как-с. Теперь мы запрягли ее как клячу-с — чинит, moet, метет... Но теперь позвольте вас представить и моей супруге: вот-с Арина Петровна, дама из простых-с. Арина Петровна, разглядьте черты ваши: вот Алексей Федорович Карамазов. Встаньте, Алексей Федорович, вы даме представляетесь, надо встать-с... Не тот-с Карамазов, маменька, который... гм и так далее, а брат его, блестящий смиренными добродетелями. Позвольте, Арина Петровна, позвольте, маменька, позвольте вашу ручку предварительно поцеловать.

Арина Петровна. Здравствуйте, садитесь, господин Черномазов.

Снегирев. Карамазов, маменька, Карамазов... Мы из простых-с.

Арина Петровна. Ну, Карамазов или как там, я всегда — Черномазов... Садитесь же, и зачем он вас поднял?

Снегирев. Мы из простых-с, из простых-с.

Ниночка. Папа, ах, папа! (Заплакала.)

Варя. Шут!

Арина Петровна. Видите, у нас какие известия — точно облака идут; пойдут облака, и опять наша музыка. Прежде, когда мы веснами были, к нам много приходило таких гостей. Кто любит кого, тот и люби того... Батюшки, голубчики, не попрекайте мать родную! Николай Ильич, батюшка, я ль тебе не угодила. Только у меня есть, что Илюшечка, — вчера яблоко принес. Простите, батюшка, прости-те, голубчики, мать родную, и чего вам мой воздух противен стал! (Разрыдалась.)

Снегирев. Маменька, маменька, голубчик, полно, полно! Всего тебе любят, все обожают! (Целует ее руки.) Ну-с, видели-с? Слыши-ли-с?

Алеша. Вижу и слышу.

Илюша. Папа, папа! Неужели ты с ним... Брось ты его, папа!

Варя. Да полноте вы наконец паясничать, ваши выверты глупые показывать, которые ни к чему никогда не ведут!..

Снегирев. Совершенно справедливо на этот раз изволите из себя выходить, Варвара Николаевна, и я вас стремительно удовлетворю. Ну, шапочку вашу наденьте, Алексей Федорович, а я вот картуз возьму, и пойдемте-с. Надобно вам одно серьезное словечко сказать, только вне этих стен. Эта вот сидящая девица — это тоже дочка моя-с, Нина Николаевна-с, забыл я вам ее представить, — ангел божий во плоти... к смертным слетевший... если можете только это познать...

Варя. Весь ведь так и сотрясается, словно судорогой его сводит.

Снегирев. А эта вот, что теперь на меня ножкой топает и пая-

цем меня давеча обличила, это тоже ангел божий во плоти-с и справедливо меня обозвала-с. Пойдемте же, Алексей Федорович, покончить надо-с...

Поворот круга.

Жилище Снегирева погружается в темноту.  
Снегирев и Алеша при медленном повороте круга идут по городу.

Снегирев. Воздух чистый-с, а в хоромах-то у меня не свежо, во всех даже смыслах. Пройдемте, сударь, шажком.

Алеша. Я и сам к вам имею одно чрезвычайное дело... только не знаю, как начать.

Снегирев. Как не узнать, что у вас до меня дело-с. Без дела-то вы бы никогда ко мне и не заглянули. Али в самом деле только жаловаться на мальчика приходили? Так ведь это невероятно. А кстати, о мальчике-с: я вам там всего изъяснить не мог-с, а здесь теперь опишу-с. Видите ли, когда ваш братец Дмитрий Федорович за ничто-с забуянил, меня за мочалку — это бороденку мою школьники так прозвали — из трактира вытащил-с, как раз школьники из школы вышли. И сынок мой среди них-с... Увидел-с... Помню я, в ту минуту какое у Илюшечки лицо сделалось, не забыл и не забуду-с!.. Родственная фамильная картина навеки у Илюши в памяти душевной отпечаталась. Навеки.

Алеша. Клянусь, брат самым искренним образом, самым полным выразит вам раскаяние, хотя бы даже на коленях на той самой площади... Я заставлю его.

Снегирев. Ага, так это еще в прожекте находится. Не прямо от него, а от благородства вашего сердца исходит пылкого-с. Так бы и сказали-с. Благодарю-с! Благородны все вы! И братец ваш. Он мне тогда дуэль предложил. Рыцарский дух! А вы посудите сами-с, изволили быть сейчас у меня в хоромах — что видели-с? Умри я — что со всеми этими недрами станется, я только про это одно вас спрошу-с. А если так, вызови я его на дуэль, а ну как он меня тотчас же и убьет, ну что же тогда? С ними-то тогда со всеми что станется? Еще хуже, если он не убьет-с, а только меня искалечит: работать нельзя, а рот-то останется, кто ж его накормит, мой рот? Аль Илюшу вместо школы милостыню просить высыпать ежедневно? вот что оно для меня значит-с, дуэль-то! Глупое слово, и больше ничего-с!

Алеша. Он будет у вас просить прощения, он посреди площади вам в ноги поклонится.

Снегирев. Хотел я его в суд позвать, но разверните наш кодекс, много ль мне придется удовлетворения получить-с? Я и притих-с, и вы недра видели-с... А теперь позвольте спросить: больно он вам пальчик давеча укусил, Илюша-то? В хоромах-то я при нем войти в сию подробность не решился.

Алеша. Да, очень больно, он очень был раздражен. Но если бы вы видели, как он с товарищами камнями перекидывался! Это очень опасно, они могут его убить, они дети, глупы, камень летит и может голову проломить.

Снегирев. Да уж и попало-с, не в голову, так в грудь-с, повы-

ше сердца-с сегодня удар камнем, синяк-с, пришел, плачет, охает, а вот и заболел.

Алеша. И знаете, ведь он там сам первый и нападает на всех. Говорят, он одному мальчику — Красоткину — в бок перочинным ножом пырнул...

Снегирев. Слышал и про это, опасно-с: Красоткин это чиновник здешний, еще, может быть, хлопоты выйдут-с...

Алеша. Я бы вам советовал некоторое время не посылать его в школу, пока он уймется... и гнев этот в нем пройдет...

Снегирев. Гнев-с! Именно гнев-с! В маленьком существе, а великий гнев-с. Позвольте мне пояснить эту повесть особенно. После того события все школьники в школе стали его мочалкой дразнить. Дети в школах народ безжалостный: порознь ангелы божии, а вместе, особенно в школах, весьма часто безжалостны. Воспрянул в Илюше благородный дух. Обыкновенный мальчик, слабый сын, тот бы смирился, отца своего застыдился. А этот — нет! Один против всех за отца. И за истину-с, за правду-с. Что он тогда вынес, как нашему братцу руки целовал и кричал «простите папочку», — это только Бог один знает. Бог да я-с. Вот так-то детки наши, то есть не ваши, а наши-с, детки презренных нищих-с, правду на земле с детских лет узнают-с. Богатым где: те всю жизнь такой глубины не исследуют, а мой Илюшка в ту самую минуту, на площади-то-с, как руки-то его целовал, в ту самую минуту всю истину превзошел-с. Вошла в него эта истина-с и прошибла его навеки-с. В тот день он у меня в лихорадке был-с, но чью бредил. А днем мало со мной говорил, совсем молчал даже. Глядит на меня из угла, а все больше к окну припадает, делает вид, будто уроки учит. А я вижу: не уроки у него на уме. На другой день я выпил-с, и много, грешный человек, с горя-с. А в тот-то именно день мальчишки и подняли его на смех в школе: «Мочалка, — кричат ему, — отца твоего за мочалку из трактира тащили, а ты подле бежал и прощения просил». На третий это день пришел он опять из школы, смотрю — лица на нем нет, побледнел. Что ты, говорю, Илюша? Молчит. Ну, в хоромах-то нечего было разговаривать, а то сейчас маменька и девицы участие примут. Я и вывел мальчика погулять. Мы с ним каждый вечер и допреж того гулять выходили, ровно по тому самому пути, по которому с вами теперь идем, вон до того камня большущего. Идем мы с Илюшой, ручка его в моей руке по обыкновению. Махонькая у него ручка, пальчики тоненькие, холодненькие, — грудкой ведь он у меня страдает.

Алеша погружается в темноту, и на его месте возникает Илюша. Он держит отца за руку.

Илюша. Папа, папа! Как он тебя тогда, папа!

Снегирев. Что делать, Илюша.

Илюша. Не мирись с ним, папа, не мирись! Школьники говорят, он тебе десять рублей за это дал.

Снегирев. Нет, Илюша, я денег от него не возьму ни за что.

Илюша. Папа, вызови его на дуэль. В школе дразнят, что ты трус и не вызовешь его на дуэль, а десять рублей возьмешь.

Снегирев. На дуэль, Илюша, мне нельзя его вызывать, закон не велит. Да вызови, так он меня и подстрелит. Кто же вас кормить будет?

Илюша. Папа, все-таки не мирись: я вырасту, я вызову его сам и убью его!

Снегирев. Грешно убивать, Илюша, хотя бы и на поединке.

Илюша. Папа, я его повалю, я ему саблю выбью своей саблей, брошусь на него, повалю его, замахнувшись на него саблей и скажу: мог бы тебя сейчас убить, но прощаю тебя, вот тебе!

Илюша исчезает в темноте. Около Снегирева снова Алеша, и они снова идут по городу.

Снегирев. Видите, сударь, какой процессик в голове-то его произошел в эти два дня. Это он день и ночь об этом именно мечтанием с саблей думал, и ночью, должно быть, этим бредил-с. Только стал он из школы приходить сильно битый. И вы правы-с, больше уж в школу я его не пошлю-с. Он против всего класса один идет и всех сам вызывает, озлился, сердце в нем зажглось. Испугался я за него... Опять

Темнота снова поглощает Алешу, и снова на его месте возникает Илюша.

Илюша. Папа, ведь богатые всех сильнее на свете?

Снегирев. Да, нет на свете сильнее богатого.

Илюша. Папа, я разбогатею, я в офицеры пойду и всех разобью, меня царь наградит, я приеду, и тогда никто не посмеет... Папа, какой это нехороший город наш, папа!

Снегирев. Да, Илюшечка, не очень-таки хорош наш город.

Илюша. Папа, переедем в другой город, в хороший город, где про нас ничего не знают.

Снегирев. Переедем, переедем, Илюша, вот только денег скоплю. Лошадку свою купим да тележку. Маменьку да сестриц усадим, закроем их, а сами сбоку пойдем; изредка тебя подсажу, а я подле пойду, потому лошадку поберечь надо. Не всем же садиться, верно?

Илюша исчезает. Возникает Алеша.

Это третьего дня было. Известно, русский мальчик так и родится вместе с лошадкой. А вчера вечером уж совсем другое оказалось. Опять он утром в эту школу пошел, мрачный вернулся, очень уж мрачен. Вечером взял я его за ручку, вывел гулять — молчит, не говорит. Ветерок тогда начался, солнце затмилось, осенью повеяло, да и смеркалось уж. Ну, мальчик, как же мы, говорю, с тобой в дорогу-то соберемся. Думаю на вчерашний-то разговор навести. Молчит. Только пальчики его, слышу, в моей руке вздрагивают. Э, думаю, плохо, новое есть. Дошли мы вот, как теперь, до этого самого камня. А на небесах все змеи запущены, гудят и трещат, ведь ныне змеиный сезон-с. Вот, говорю, Илюша, пора бы и нам змейки прошлогодний запустить, где он у тебя там спрятан? Молчит мой мальчик, глядит в несло песком... Бросился он вдруг ко мне, обнял, стиснул... Знаете, детки наши молчаливые да гордые, слезы долго перемогают, да как

вдруг прорвутся... не то что потекут-с, а брызнут ручьи-с. Теплыми-то брызгами этими так вдруг и обмочил мне все лицо. Зарыдал, как в судороге затрясся... «Папочка, — вскрикивает, — папочка, милый папочка, как он тебя унизил!» Илюша, говорю ему, Илюшечка! Бог это видел, авось мне в формуляр занесет-с. (Вдруг злобно.) Поблагодарите вашего брата, Алексей Федорович. Нет-с, я моего мальчика для вашего удовлетворения не высеку-с!

Алеша. Как бы мне хотелось помириться с вашим мальчиком! Если бы его устроили...

Снегирев. Точно так-с...

Алеша. Но теперь не про то, совсем не про то, слушайте! Я имею к вам поручение: этот самый мой брат, этот Дмитрий, оскорбил и свою невесту, благороднейшую девушку. Я имею право вам открыть про ее оскорблении, я даже должен так сделать. Она, узнав про вашу обиду и несчастное положение, поручила мне сейчас... давеча... снести вам это вспоможение от нее... только от нее одной, не от Дмитрия — он и ее бросил — и не от меня, от брата его, и не от кого-нибудь, а от нее, только от нее одной! Она вас умоляет принять ее помощь... вы оба обижены одним и тем же человеком... Это значит, сестра идет к брату с помощью... Она поручила мне уговорить вас принять от нее вот эти двести рублей, как от сестры, зная, что вы так сплетен не можете произойти... Вот эти двести рублей и, клянусь, вы должны принять их, иначе... иначе все должны быть врагами друг другу на свете! Но ведь есть же и братья... У вас благородная душа... вы должны это понять, должны!.. (Протягивает деньги.)

Снегирев. Это мне-то, мне-с... столько денег, двести рублей! Господи! И говорит, что сестра... и вправду это, вправду?

Алеша. Клянусь вам, все, что я сказал, правда!

Снегирев. Послушайте-с, голубчик мой, послушайте-с, ведь если я приму, то ведь не буду же я подлецом? В глазах-то ваших, Алексей Федорович, вы выслушайте, выслушайте-с. Вы вот уговариваете меня принять тем, что «сестра» посыпает, а внутри-то, про себя то не чувствуете ко мне презрения, если приму-с, а?

Алеша. Да нет же, нет! Спасением моим клянусь — нет! И никто не узнает никогда, только мы: я, вы, да она, да еще одна дама, ее большой друг...

Снегирев. Что дама! Слушайте, Алексей Федорович, выслушайте-с, ведь уж теперь минута такая пришла, что надо выслушать. Вы даже и понять не можете, что для меня теперь эти двести рублей. Знаете ли вы, что я маменьку и Ниночку, ангела моего, дочку-то, полечить теперь могу? Приезжал ко мне доктор Герценштубе по доброте своего сердца, осматривал их обеих целый час. Не понимаю, говорит, ничего. А однако же минеральную воду, которая в аптеке здешней есть, прописал да ванны ножные из лекарства тоже... Минеральная вода стоит тридцать копеек, а кувшинов-то надо выпить, может быть, сорок. Так я взял да рецепт и положил под полку, под образа, там и лежит... Кушаем мы что попало. Говядины куплю-с, диету новую заведу-с. Господи, да ведь это мечта!.. Стойте, Алексей Федорович,

стойте, да знаете ли вы, что мы с Илюшкой, пожалуй, и впрямь теперь мечту осуществим: купим лошадку да кибитку, да лошадку-то вороненую, он просил непременно чтобы вороненую, да и отправимся, как третьего дня расписывали, в другой город, в другой город... Посадим маменьку, Ниночку; Илюшечку править посажу. Да если бы один должок пропащий здесь получить, так, может, достанет даже и на это-с!

Алеша. Достанет, достанет! Катерина Ивановна вам пришлет еще сколько надо! И знаете, у меня тоже есть деньги, возьмите. Как от брата, как от друга, потом отадите... И знаете, никогда вы ничего лучше даже и придумать не в состоянии, как этот переезд в другой город! В этом ваше спасение, а главное — для вашего мальчика, и знаете, поскорее бы, до зимы бы, до холодов...

Алеша хочет обнять штабс-капитана, но останавливается. Тот с диким видом что-то беззвучно шепчет.

Чего вы!

Снегирев. Алексей Федорович... я... вы... я-с... вы-с... А не хотите ли, я вам один фокусик сейчас покажу-с!

Алеша. Какой фокусик?

Снегирев. Фокусик, фокус-покус такой!

Алеша. Да что с вами, какой фокус?

Снегирев. А вот какой, глядите! (*Схватил деньги, смял и крепко зажал в кулаке.*) Видели-с, видели-с! (*Бросает смятые кредитки на землю.*) Видели-с? Ну так вот же-с! (*Топчет деньги.*) Вот ваши деньги-с! Вот ваши деньги-с! Вот ваши деньги-с! Доложите пославшим вас, что мочалка чести своей не продаёт-с! (*Бросился бежать. Остановился, сделал вдруг Алеше ручкой. Опять побежал. Остановился.*) А что ж бы я моему мальчику-то сказал, если бы у вас деньги за позор наш принял? (*Сделав Алеше рожу «паяца», убежал.*)

Алеша поднимает деньги, разглаживает их.  
Темнота.

Гостиная в доме госпожи Хохлаковой.  
В кресле-каталке Лиза. Около нее Алексей Каравазов.

Лиза. Так вы не отдали денег, дали ему убежать! Боже мой, да вы бы хоть побежали за ним, догнали его...

Алеша. Нет, Лиза, этак лучше, что не побежал.

Лиза. Как лучше, чем лучше? Теперь они без хлеба и погибнут.

Алеша. Не погибнут, потому что эти двести рублей их все-таки не минуют. Он все равно возьмет их завтра. Наверно, возьмет. Видите, Лиза, я сам тут сделал одну ошибку, но и ошибка-то вышла к лучшему.

Лиза. Какая ошибка, и почему к лучшему?

Алеша. А вот почему. Это человек, слабый характером, измученный и очень добрый. Я вот теперь все думаю: чем это он так вдруг обиделся и деньги растоптал? Уверяю вас, он до самого последнего мгновения сам не знал, что растопчет их. Мне кажется, он обиделся... Во-первых, тем обиделся, что слишком при мне деньгам обрадовался и предо мною этого не скрыл. А главное — слишком скоро меня за сво-

его друга принял. То бросался на меня, пугал, а тут вдруг, только увидел деньги и стал меня обнимать. Потому что он меня обнимал, все руками трогал. Тут как раз я ошибку сделал, очень важную: я вдруг скажи ему — если денег у него недостанет, то ему еще дадут, и даже я сам ему дам из моих. Вот это его и поразило, зачем, дескать, и я высказал? Знаете, Лиза, это ужасно как тяжело для человека, когда все на него смотрят благодетелями... И знаете, хоть все это так скверно, но все-таки даже лучше и быть не могло.

Лиза. Почему лучше быть не могло?

Алеша. Потому, Лиза: если бы не растоптал, а взял деньги, то, прийдя домой, через час какой-нибудь и заплакал бы о своем унижении. И пожалуй, завтра пришел бы ко мне чем свет и бросил эти кредитки, растоптал бы, как давеча. А теперь он ушел ужасно гордый. Стало быть, теперь уж ничего нет легче, как заставить его принять эти две стопы рублей. Потому что он уж свою честь доказал, деньги швырже две стопы рублей. А я-то вот тут и явлюсь. «Вот, — дескать, — вы гордый человек, вы доказали, ну, теперь возьмите, простите нас». Вот тут-то он и возьмет!

Лиза. Ах, это правда, я это ужасно вдруг поняла! Алеша, как вы все это знаете? Такой молодой, и уж знает, что в душе... Я бы никогда этого не выдумала...

Алеша. Его, главное, надо теперь убедить в том, что он со всеми нами на равной ноге, несмотря на то, что у нас деньги берет. И не только на равной, даже на высшей ноге...

Лиза. «На высшей ноге»! Говорите, говорите!

Алеша. То есть я не так выразился... про высшую ногу... но это ничего, потому что...

Лиза. Ничего, конечно, ничего! Простите, Алеша, миный... Знаете, я вас до сих пор почти не уважала... то есть уважала, да на равной ноге, а теперь буду на высшей уважать... Алексей Федорович, нет ли тут во всем этом рассуждении нашем, то есть вашем... нет, уж лучше нашем... нет ли тут презрения к нему, к этому несчастному?

Алеша. Нет, Лиза, нет презрения. Я уж об этом сам думал, когда сюда шел. Мой старец сказал однажды: за людьми сплошь надо как за детьми ходить, а за иными как в больницах...

Лиза (*шепотом*). Подите посмотрите у дверей, отворите их тихонько, — не подслушивает ли маменька.

Алеша (*идет к двери, смотрит, возвращается*). Нет, там никого нет.

Лиза. Дайте вашу руку, вот так. Слушайте, вчерашнее письмо я вам не в шутку написала, а серьезно... (*Стремительно целует руку Алеши.*)

Алеша. Я был совершенно уверен, что вы написали серьезно.

Лиза. Уверен, представьте себе! Я ему руку поцеловала, а он говорит — уверен. Ведь это дерзость — вот что!

Алеша. Да разве это худо, что я был уверен?

Лиза. Напротив, ужасно как хорошо, Алеша.

Алеша наклоняется и целует Лизу в губы.

Это еще что? Что с вами?

Алеша. Ну, простите, если не так... Я, может быть, ужасно глупо...

Лиза (смеется). В этом платье! (Серьезно.) Ну, Алеша, мы еще подождем с поцелуями, мы этого еще оба не умеем. Скажите лучше, за что вы берете меня, такую дурочку; я вас совсем не стою.

Алеша. Стоите, Лиза. Я на днях выйду из монастыря совсем. Выйдя в свет, надо жениться. Кого ж я лучше вас возьму... Вы смеетесь как маленькая девочка, а про себя думаете как мученица...

Лиза. Как мученица? Как это?

Алеша. Вот вы давеча спросили: нет ли в нас презрения к тому несчастному, что мы так душу его анатомируем. Это вопрос мученический... Видите, я никак не умею это выразить, но у кого такие вопросы являются, тот сам способен страдать.

Лиза. Алеша, во что вы оденетесь, как выйдете из монастыря, в какой костюм?

Алеша. Про костюм, Лиза, я еще не думал. В какой хотите, в такой и оденусь.

Лиза. Я хочу: темно-синий бархатный пиджак, белый пикейный жилет и пуховая серая мягкая шляпа... Скажите, вы так и поверили давечка, что я вас не люблю, когда я от письма отреклась?

Алеша. Нет, не поверили.

Лиза. Несносный человек, неисправимый!

Алеша. Видите, я знал, что вы меня... кажется, любите, но я сделал вид, что вам верю, что вы не любите, чтобы вам было... удобнее...

Лиза. Еще того хуже! И хуже, и лучше всего. Алеша, я вас ужасно люблю. Я давечка, как вам прийти, загадала: спрошу у него вчерашнее письмо, и если он мне спокойно вынет и отдаст, значит, совсем меня не любит, ничего не чувствует, а просто глупый и недостойный... Но вы оставили письмо в келье, и это меня обрадовало. Вы нарочно оставили в келье? Знали, что я буду требовать его назад? Так что не отдавай? Так? Да?

Алеша. Совсем не так. Письмо со мной. И тогда было со мной. вот в этом кармане. Вот оно. (Вынула письмо.) Не отдам, смотрите из рук.

Лиза. Как? Вы давечка солгали, вы, монах, и солгали?

Алеша. Пожалуй, солгал. Я его никому никогда не отдам!

Лиза. Алеша, посмотрите у дверей, не подслушивает ли мамаша.

Алеша. Хорошо, Лиза, я посмотрю, только не лучше ли не смотреть, а? Зачем подозревать в такой низости вашу мать?

Лиза. Как низости? Она подслушивает за дочерью. Это ее право, а не низость. Будьте уверены, Алексей Федорович, когда я сама буду матерью и у меня будет такая же дочь, как я, непременно буду за нею подслушивать.

Алеша. Это нехорошо.

Лиза. Если бы обыкновенный разговор какой-нибудь подслушивать — это низость. А тут родная дочь заперлась с молодым человеком... Знайте, я за вами тоже буду подсматривать, сразу как обвенчаемся. Все письма ваши буду распечатывать и читать... Это уж вы так и знайте...

Алеша. Да, конечно, если так... только это нехорошо...

Лиза. Не будем ссориться с самого первого раза. Я вам всю правду скажу: это, конечно, очень дурно — подслушивать, и уж, конечно, я не права, а вы правы. Но только я все-таки буду подслушивать.

Алеша. Делайте. Ничего за мной такого не подглядите.

Лиза. Алеша, а будете ли вы мне подчиняться? Это тоже надо заранее решить.

Алеша. С большой охотой, Лиза, и непременно. Только не в самом главном. В самом главном, даже если вы будете со мной не соглашны, я все-таки сделаю как мне велит долг.

Лиза. Так знайте, я не только в самом главном подчиняться готова, но и во всем уступлю вам! Клянусь, что никогда не буду за вами подслушивать, ни разу и никогда, ни одного письма вашего не прочту... И хоть мне ужасно будет хотеться подслушивать, я это знаю, я все-таки не буду. Вы теперь как мое прорицание... Вы ангел!

Алеша. Не говорите так, Лиза.

Лиза. Отчего же?

Алеша. Я Карамазов, Лиза... Один монах у нас в монастыре выразился о нашей семье: «земляная карамазовская сила, неистовая, необделанная...» И сам я Карамазов, Лиза... Я монах, монах? Монах я, Лиза? Вы сказали сию минуту, что я монах?

Лиза. Да, сказала.

Алеша. А я в бога-то вот, может быть, и не верю.

Лиза (отшатнувшись). Вы не веруете, что с вами?.. Слушайте, поцелуйте меня, я позволяю.

Алеша целует Лизу.

Ну, теперь ступайте! (Быстро уезжает в своей каталке из комнаты.)

Алеша хочет уйти, но в комнату стремительно входит госпожа Хохлакова.

Хохлакова. Алексей Федорович, это ужасно, это детские пустяки и все вздор. Надеюсь, вы не вздумаете мечтать... Глупости, глупости и глупости!

Алеша. Только не говорите этого ей, она будет взволнована. Это ей теперь вредно.

Хохлакова. Слыши благородное слово благородного молодого человека. Вы сами только потому соглашаетесь с ней, что не хотели из сострадания рассердить ее?

Алеша. Совсем нет, я совершенно серьезно с нею говорил.

Хохлакова. Серьезность тут невозможна, немыслима. Во-первых, я вас теперь совсем не приму ни разу, а во-вторых, я уеду и ее увезу, знайте это.

Алеша. Да зачем же, ведь это так еще не близко, года полтора еще ждать придется.

Хохлакова. Это, конечно, правда, Алексей Федорович. В полтора года вы тысячу раз с ней поссоритесь и разойдетесь. Я все слышала. Я едва устояла. Вот где объяснение ужасов этой ночи и давешних истерик! Дочке любовь — матери смерть! Ложись в гроб!.. Теперь второе и самое главное: что это за письмо, которое она вам написала?

Именем всего великого и святого, именем умирающего старца вашего, покажите мне это письмо, Алексей Федорович, мне, матери! Если хотите, то держите его пальцами, я буду читать из ваших рук.

А л е ш а. Нет, не покажу, Катерина Осиповна. Хотя бы и она позволила, не покажу. Ваша дочь святое существо...

Х о х л а к о в а. Ах, вы ее знаете только с краю... с одного только краю... Она совсем другая бывает... Еще узнаете... Покажите письмо.

А л е ш а. Нет, извините меня, прощайте. (Выбегает.)

Л и з а. (Распахивая из соседней комнаты дверь.) Не показал, не показал! Любит, любит!

Т е м н о т а.

## ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Еще в темноте слышен условный свист и громкий мальчишеский крик: «Перезвон, иси!»

Сцена освещается.

Зимняя улица. Забор, калитка. На сцене один С му р о в. Он подпрыгивает на одной ножке, грееется на морозе.

Калитка отворяется. Выходит Коля Красоткин с собакой на поводке. Весь их разговор идет на медленном повороте круга.

С му р о в. Я вас целый час жду, Красоткин. Здравствуйте.

Красоткин. Здравствуй, Смуров. Запоздал. Есть обстоятельства. Тебя не выпорют, что ты со мной?

С му р о в. Ну полноте, разве меня порют? И Перезвон с вами?

Красоткин. И Перезвон.

С му р о в. Вы и его туда?

Красоткин. И его туда.

С му р о в. Кабы Жучка!

Красоткин. Жучка не существует. Жучка исчезла во мраке неизвестности.

С му р о в. А нельзя ли сказать, что это Жучка и есть?

Красоткин. Школьник, гнушийся лжи, это раз. Даже для доброго дела, два. А главное, надеюсь, ты не объявлял ничего о моем приходе?

С му р о в. Боже сохрани, я понимаю.

Красоткин. А каков Илюша-то?

С му р о в. Плох, плох. Я думаю, у него чахотка. Он в памяти, только так дышит-дышит, нехорошо он дышит. Недели не проживет. Герценштубе ездит. Теперь они опять богаты, у них много денег.

Красоткин. Шельмы.

С му р о в. Кто шельмы?

Красоткин. Доктора, и вся медицинская сволочь, говоря вообще, и уж, разумеется, в частности. Я отрицаю медицину. Бесполезное учреждение. Я, впрочем, все это исследую. Что это у вас там за сентиментальности завелись? Вы там всем классом, кажется, пребываете?

С му р о в. Не всем, а так, человек десять... Это ничего.

Красоткин. Удивляет меня во всем этом роль Алексея Карамазова: столько времени на сентиментальничанье с детьми.

С му р о в. Сам же вот идешь теперь с Илюшкой мириться.

Красоткин. Мириться? Смешное выражение. Я, впрочем, никому не позволяю анализировать мои поступки.

С му р о в. А как Илюша будет тебе рад! Он и не воображает, что ты придешь. Почему, почему ты так долго не хотел идти?

Красоткин. Это мое дело, не твое. Я иду сам по себе, потому что такова моя воля, а вас всех притащил туда Алексей Карамазов. Значит, разница. И почем ты знаешь, я, может, вовсе не мириться иду. Глупое выражение.

С му р о в. Наши сами туда стали ходить. Конечно, сперва с Карамазовым. Отец был ужасно рад... Ты знаешь, он просто с ума сойдет, коль умрет Илюша, или повесится.

Красоткин. А все-таки Карамазов для меня загадка. Я мог бы и давно с ним познакомиться, но я в иных случаях люблю быть гордым. Притом я составил о нем некоторое мнение, которое надо еще проверить.

К концу этого разговора мальчики подошли к городской ярмарке. Здесь всякого люда и товаров видимо-невидимо.

Я люблю наблюдать реализм, Смуров. Заметил ты, как собаки встречаются и обнюхиваются? Тут какой-то общий у них закон природы?

С му р о в. Да, какой-то смешной.

Красоткин. Не смешной, это ты неправильно. В природе нет ничего смешного, как бы там ни казалось человеку с его предрассудками. Если бы собаки могли рассуждать и критиковать, наверно бы, нашли столько же смешного, если не гораздо больше, в отношениях между собою людей. Я уверен, что глупостей у людей гораздо больше, чем у собак. Я социалист, Смуров.

С му р о в. А что такое социалист?

Красоткин. Это коли все равны, у всех одно общее мнение, нет браков, а религия и все законы как кому угодно, ну и там все остальное. Ты еще не дорос до этого, тебе рано... Холодно, однако.

С му р о в. Да, двенадцать градусов.

Красоткин. Заметил, Смуров: в середине зимы, если градусов пятнадцать или даже восемнадцать, не кажется так холодно, как теперь, в начале зимы, когда нечаянно ударит мороз, да еще снегу мало. Это значит — люди не привыкли. У людей все привычка, во всем, даже в государственных и в политических отношениях. Привычка — главный двигатель... Какой смешной, однако, мужик. (Указывает на мужика в туалете с заиндевевшей бородой.) У мужика борода замерзла.

М у ж и к. У многих замерзла.

С му р о в. Не задирай его.

Красоткин. Ничего, не осердится, он хороший. Прощай, Матвей.

М у ж и к. Прощай.

Красоткин. А ты разве Матвей?  
Мужик. Матвей. А ты не знал?  
Красоткин. Не знал. Я наугад сказал.  
Мужик. Ишь ведь. В школьниках небось?  
Красоткин. В школьниках.  
Мужик. Что ж тебя, порют?  
Красоткин. Не то чтобы, а так.  
Мужик. Больно?  
Красоткин. Не без того!  
Мужик. Эх, жисть!  
Красоткин. Прощай, Матвей!  
Мужик. Прощай. Парнишка ты милый, вот что.

Мальчики идут дальше.

Красоткин. Это хороший мужик. Я люблю поговорить с народом и всегда рад отдать ему справедливость.

Смурофф. Зачем ты ему соврал, что у нас секут?

Красоткин. Надо же было его утешить.

Смурофф. Чем это?

Красоткин. Видишь, Смурофф, не люблю, когда переспрашивают, если не понимают с первого слова. Иного и растолковать нельзя. По идеи мужика, школьника порют и должны пороть: что, дескать, за школьник, если его не порют. И вдруг я ему скажу: у нас не порют. Ведь он этим огорчится. С народом надо умеючи говорить... Здравствуй, Наташа!

Торговка. Какая я тебе Наташа, я Марья.

Красоткин. Это хорошо, что Марья. Прощай.

Торговка. Постреленок, от земли не видать, а туда же!

Красоткин. Некогда, некогда мне с тобой, в будущее воскресенье расскажешь.

Торговка. А что мне тебе рассказывать в воскресенье? Сам привязался, а не я к тебе, озорник! Выпороть тебя, вот что, обидчик ты известный.

Торговки смеются. Вперед выскакивает человек вроде приказчика.

Приказчик (грозит кулаком). Я тебя знаю, я тебя знаю!  
Красоткин. Знаешь?

Приказчик. Я тебя знаю! Я тебя знаю!

Красоткин. Тебе же лучше. Ну, некогда мне, прощай!

Приказчик. Чего озорничашь? Ты опять озорничать? Я тебя знаю! Ты опять озорничать?

Красоткин. Это, брат, не твое теперь дело, что я озорничаю.

Приказчик. Как не мое?

Красоткин. Так, не твое.

Приказчик. А чье же? Чье же? Ну, чье?

Красоткин. Это, брат, теперь Трифона Никитича дело, а не твое.

Приказчик. Какого такого Трифона Никитича?

Красоткин. К Вознесению ходил?

Приказчик. К какому Вознесению? Зачем? Нет, не ходил.  
Красоткин. Сабанеева знаешь?  
Приказчик. Какого те Сабанеева? Нет, не знаю.  
Красоткин. Ну и черт с тобой после этого.

Быстро уходят со Смуровым.

Приказчик. Стой ты, эй! Какого те Сабанеева?.. Это он чего такого говорил?

Первая баба. Мудреный мальчишка.

Приказчик. Какого, какого он это Сабанеева?

Вторая баба. А это, надуть быть, Сабанеева, который у Кузьмичевых служил, вот как надуть быть.

Первая баба. Кузь-ми-чева? Да какой он Трифон? Тот Кузьма, а не Трифон, а парнишка Трифоном Никитичем назвал. Стало, не он.

Третья баба. Это, вишь, не Трифон и не Сабанеев, это Чижов. Алексей Иванычем звать его. Чижов Алексей Иванович.

Вторая баба. Это так и есть, что Чижов.

Приказчик. Да зачем он спрашивал, спрашивал-то он зачем, люди добрые: «Сабанеева знаешь?» А черт его знает, какой он есть та-ков Сабанеев.

Третья баба. Бестолковый ты человек, говорят те, не Сабанеев, а Чижов, Алексей Иванович Чижов, вот кто!

Приказчик. Какой Чижов? Ну, какой? Говори, коли знаешь.

Третья баба. А длинный, возгривый, летось на базаре сидел.

Приказчик. На кой ляд мне твово Чижова, люди добрые, а?

Третья баба. А я почем знаю, на кой те ляд Чижова.

Первая баба. А кто тебя знает, на что он тебе. Сам должен знать, коли галдишь. Ведь он тебе говорил, а не нам, глупый ты человек. Аль вправду не знаешь?

Приказчик. Кого?

Первая баба. Чижова.

Приказчик. А черт его дери, Чижова, с тобой вместе! Отколо-чу его, вот что!

Первая баба. Чижова-то отколотишь? Либо он тебя! Дурак ты, вот что!

Приказчик. Не Чижова, не Чижова, баба ты злая, вредная. Мальчишку отколочу, вот что! Давайте его, давайте его сюда — смеял-ся он надо мной!

Бабы хоочут.

Поворот круга. Идущие мальчики.

Смурофф. Про какого ты его спросил Сабанеева?

Красоткин. А почем я знаю, про какого! Теперь у них до ве-чера крику будет. Я люблю расшевелить дураков во всех слоях общества. Вот и еще стоит олух — вот этот мужик. Говорят: «Ничего нет глупее глупого француза», но и русская физиономия выдает себя. Ну, не написано ль у этого на лице — «дурак»!

Смурофф. Оставь его, Коля, пройдем мимо.

Красоткин. Ни за что не оставлю, я теперь поехал. Эй, здравствуй, мужик!

Умный мужик. Ну, здравствуй, коли не шутишь.  
Красоткин. А коль шучу?  
Умный мужик. А шутишь, так и шути, бог с тобой. Ничего, это можно. Это всегда возможно, чтоб пошутиТЬ.  
Красоткин. Виноват, брат, пошутил.  
Умный мужик. Ну и Бог те прости.  
Красоткин. Ты-то прощаешь ли?  
Умный мужик. Очень прощаю. Ступай.  
Красоткин. Вишь ведь, да ты, пожалуй, мужик умный.  
Умный мужик. Умней тебя.  
Красоткин. Вряд ли.  
Умный мужик. Верно говорю.  
Красоткин. А пожалуй, что и так.  
Умный мужик. То-то, брат.  
Красоткин. Прощай, мужик.  
Умный мужик. Прощай.  
Красоткин. Мужики бывают разные. Почем же я знал, что нарвусь на умника. Я всегда готов признать ум в народе.

Мальчики подошли к дому штабс-капитана. Движение круга остановилось.  
Надо предварительно обнюхаться. Вызови сюда Карамазова.  
Смурров. Да зачем вызывать? Войди и так, тебе ужасно обрадуются. Что на морозе знакомиться?  
Красоткин. Я знаю, зачем мне его надо сюда, на мороз. Вызови.

Смурров уходит. Через несколько секунд из дома без пальто и шапки выбегает Алексей Карамазов. Он уже не в монашеской одежде. На нем прекрасно сшитый темно-синий бархатный пиджак, белый пикейный жилет. Волосы его коротко стрижены.

Алексей (протягивает Коле руку). Вот и вы, наконец, как мы вас все ждали.

Красоткин. Были причины. Рад познакомиться. Давно ждал случая и много слышал.

Здороваются.

Алексей. И я о вас тоже.  
Красоткин. Скажите, как здесь?  
Алексей. Скоро должен приехать доктор, московский доктор. Илюша очень плох... непременно умрет.  
Красоткин. Что вы! Согласитесь, медицина подлость, Карамазов.

Алексей. Илюша очень часто вспоминал о вас. Видно, вы ему очень дороги... Скажите, это ваша собака?

Красоткин. Моя. Перезвон.  
Алексей. А не Жучка? Та так и пропала?  
Красоткин. Вам всем хочется Жучку. Жучка пропала... Слушайте, Карамазов, я вам объясню все дело, для этого я вас и вызвал. Видите, Карамазов, когда Илюша поступил в школу... ну, известно, мальчишки, детвора. Его тотчас же начали задирать. Я старше классами и, разумеется, смотрю издали, со стороны. Вижу, мальчик слা-

бенький, но не подчиняется, даже дерется с ними, гордый. Я люблю эдаких. А они его пуще. Главное, у него тогда было пальтишко скверное, сапоги каши просят. Они его и за это. Унижают. Этого уж я не люблю, тотчас же задал им как следует. Я ведь их бью, а они меня обожают. Илюшу перестали бить, я взял его под свою протекцию. Вижу, мальчик гордый, однако, предался мне рабски, исполняет малейшие повеления, слушает как бога, лезет мне подражать. Я его учю, развиваю. Вы, Карамазов, тоже хотите действовать на молодое поколение, развивать?.. Примечай: в Илюше растет какая-то чувствительность, сентиментальность. Я, знаете, решительный враг всяких телячьих нежностей, с самого моего рождения. И к тому же противоречия: предан рабски, а вдруг засверкают глазенки и не хочет даже согласиться со мной, спорит, на стену лезет. Я проводил иногда разные идеи. Он не то что с идеями не согласен, а просто вижу — лично против меня бунтует. Это оттого, что я на его нежности отвечаю хладнокровием. И вот чтобы его выдержать, — чем он нежнее, тем я становлюсь хладнокровнее. Нарочно так поступаю, таково мое убеждение. Я имел в виду вышколить характер, выровнять, создать человека... ну... вы, разумеется, с полуслова меня понимаете. Вдруг замечаю, что с ним что-то произошло. Думаю, что за трагедия? И узнаю штуку: каким-то образом научили его, дурачка, глупой шутке, зверской, подлой — ребенок, знаете, он поддается и хорошему влиянию, и дурному: взять кусок хлеба, мякишу, воткнуть в него булавку и бросить какой-нибудь дворовой собаке, которая с голодухи кусок не жуя глотает. Бросить и посмотреть, что из этого выйдет. Смастерили он такой кусок и бросил этой самой Жучке, о которой теперь такая история. Собака бросилась, проглотила, завизжала, завертелась, пустилась бежать... И исчезла... Угрызения совести начались, слезы... Я тут схитрил, притворился, что в таком негодовании! «Ты, — говорю, — сделал низкий поступок, ты подлец. Пока прерываю с тобой сношения». Это страшно его поразило. Я, признаюсь, тогда же почувствовал: может быть, слишком строго отнесся. что делать, такова была моя тогдашняя мысль. День спустя посыпало к нему Смуррова и через него передаю, что с ним больше «не говорю». Это у нас так называется, когда два товарища прерывают между собой сношения. Я хотел его выдержать всего только несколько дней, а там после раскаяния опять протянуть ему руку. Вы знаете, что он ответил Смуррову? «Передай, — сказал, — от меня Красоткину, что я всем собакам буду теперь куски с булавками кидать, всем, всем!» А, думаю, вольный душок завелся, надо выкурит! Стал высказывать полное презрение, при встрече отвертываясь или иронически улыбаюсь... И вдруг тут происходит этот случай с его отцом. Он был уже приготовлен к страшному раздражению. Мальчишки, видя, что я его оставил, начинулись на него, дразнят: «Мочалка, мочалка». Вот тут-то у них и начались баталии. Однажды они дерутся — я стою шагах в десяти и смотрю. И клянусь, я не помню, чтобы я тогда смеялся, напротив, мне тогда очень стало жалко его, еще миг, я бы бросился его защищать. Он вдруг встретил мой взгляд. Что ему показалось, не знаю.

Выхватил перочинный ножик и ткнул мне в бедро, вот тут, у правой ноги. Я не двинулся, я, признаюсь, иногда бываю храбр, Карамазов. Я только посмотрел с презрением. «Не хочешь ли, — мол, — еще за всю мою дружбу, так я к твоим услугам». Но он в другой раз не пырнулся, не выдержал, испугался, бросил ножик, заплакал в голос и пустился бежать. Понимаете, в каком он был состоянии!.. А не ходил я сюда оттого, что у меня была особая цель. Ну, вот вся история... только, кажется, я сделал тоже глупо...

А л е ш а . Он и в бреду называл ваше имя. И потом — собака. Он три раза при мне повторял отцу: «Это оттого я болен, папа, что Жучку тогда убил, это меня бог наказал». И не сбъешь его с этой мысли! Если бы только достали Жучку и показали, что не умерла, кажется, воскрес бы от радости... Мы на вас надеялись.

Красоткин . С какой стати, почему я?

А л е ш а . Мальчики ему живого зайчика откуда-то достали. Только он попросил выпустить в поле. А сию минуту отец ему щенка привнес. Только хуже еще, кажется, вышло...

Красоткин . Скажите, Карамазов, что такое этот отец? Я его знаю, но что он такое, по вашему определению: шут, паяц?

А л е ш а . Нет. Есть люди, глубоко чувствующие. Шутовство у них вроде злобной иронии на тех, которым в глаза они не смеют сказать правды. Такое шутовство чрезвычайно трагично.

Красоткин . Я вижу, вы знаете человека.

А л е ш а . А я, как увидал вас с собакой, подумал, что вы это привели ту самую Жучку.

Красоткин . Это Перезвон. Подождите, Карамазов, может быть, и Жучку в конце концов отыщем. Это — Перезвон. Она у меня дрессированная. Впушу ее в комнату и, может быть, развеселю Илюшу... побольше, чем зайчиком и щенком... Что ж я вас держу! В одном пиджаке на таком холоде! Видите, какой я эгоист! Все мы эгоисты, Карамазов!

А л е ш а . Не беспокойтесь. Правда, холодно, но я не простудлив. Кстати, как ваше имя? Я знаю, что Коля. А дальше?

Красоткин . Николай. Николай Иванов Красоткин, или, как говорят по-казенному: сын Красоткин. Я, разумеется, ненавижу свое имя Николай.

А л е ш а . Почему же?

Красоткин . Тривиально, казенно...

А л е ш а . Вам тринадцать?

Красоткин . Через две недели четырнадцать. Признаюсь в однажды слабости, Карамазов: ненавижу, когда меня спрашивают про мои годы, более чем ненавижу... И про меня есть клевета, будто я на прошлой неделе с приготовительными в разбойники играл. То, что я играл, — это действительно, но что для себя играл, это решительно клевета. Я для детворы играл. Для них. У нас всегда вздор распустят. Это город сплетен, уверяю вас.

А л е ш а . А хоть бы и для своего удовольствия играли, что ж тут такого?

Красоткин . Не станете же вы в лошадки играть?

А л е ш а . В театр, например, ездят же взрослые, в театре тоже представляют приключения всяких героев, иногда даже с разбойниками и с войной, — так разве это не то же самое, в своем, разумеется, роде? А игра в войну у молодых людей или там в разбойники — тоже зарождающееся искусство. Только в том разница, что в театр ездят смотреть актеров, а тут молодежь сами актеры.

Красоткин . Вы так думаете? Знаете, вы довольно любопытную мысль сказали. Я теперь приду домой и шевельну мозгами на этот счет. Признаюсь, я так и ждал, что от вас можно кой-чему поучиться. Я пришел у вас учиться, Карамазов.

А л е ш а . А я у вас.

Красоткин . Я вам сейчас один фортель покажу, Карамазов, тоже одно театральное представление. Смешное. Перезвон, останься в сенях! Я сначала войду, а когда надо будет, свистну: «Иси, Перезвон!» — он влетит как угорелый. Только надо, чтобы Смурров не забыл отворить в то мгновенье дверь. Вы увидите фортель... Идемте.

Сцена поворачивается. Перед нами комната Снегиревых. Она прибрана получше. Персонажи те же, что и в первом действии, нет только Вары.

У кровати Илюши его школьные товарищи.

Все увидели входящих Алешу и Красоткина.

Карташов . Красоткин!

Снегирев . Пожалуйте, пожалуйте... дорогой гость! Илюшечка, господин Красоткин к тебе пожаловал.

Красоткин вежливо шаркнул ножкой перед Ариной Петровной, затем перед Ниной.

Арина Петровна . Вот и видно сейчас хорошо воспитанного молодого человека. А то что прочие-то наши гости: один на другом приезжают.

Снегирев . Как же, мамочка, один-то на другом, как это так?

Арина Петровна . А так и въезжают. Сядет в сенях один другому верхом на плечи да в благородное семейство и въедет.

Снегирев . Да кто же, мамочка, так въезжал, кто же?

Арина Петровна . Да вот этот мальчик на этом мальчике сегодня въехал, а вот тот на том...

Красоткин (подошел к Илюшиной постели). Ну что, Илья... как поживаешь? (Гладит его по голове.) Ни-че-го!.. Что это у тебя, новый щенок?

Илюша . Да-а-а!

Красоткин . Черный нос — значит, из злых, цепных. Подрастет, придется посадить на цепь, уж я знаю.

Первый мальчик . Он огромный будет!

Мальчики . — Известно, меделянский...

— Огромный...

— Вот этакий, с теленка...

Снегирев . С теленка, с настоящего теленка-с. Я нарочно отыскал такого, самого-самого злующего... Присядьте-с вот здесь на кроватке у Илюши, а не то здесь, на лавке. Милости просим, гость

дорогой, гость долгожданный... С Алексеем Федоровичем изволили прибыть-с?

Красоткин. Нет... я с Перезвоном... У меня такая собака теперь, Перезвон. Славянское имя. Там ждет... свистну — и влетит. Я тоже с собакой. (*Илюше.*) Помнишь, дружище, Жучку?

Илюша. Где же... Жучка?

Красоткин. Ну, брат, твоя Жучка — фью! Пропала твоя Жучка! Забежала куда-нибудь и издохла. Как не пропасть после такой закуски. У меня зато Перезвон... Славянское имя... Я к тебе привел...

Илюша. Не на-до!

Красоткин. Нет, нет, надо, непременно посмотри. Ты развлечешься. Я нарочно привел... такая же лохматая, как и та... Вы позвольте, сударыня, позвать сюда мою собаку?

Илюша (*кричит*). Не надо, не надо!

Снегирев. Вы бы-с... вы бы-с... в другое бы время-с...

Красоткин. Смурров, отвори дверь! (*Свистнул.*) Перезвон, иси!

Собака стремительно влетает в комнату.

Илюша (*с отчаянным криком*). Это... Жучка! Жучка!

Мальчики (*загадали*). — Жучка!

— Жучка!

— Жучка!

Красоткин. А ты думал — кто? (*Обхватил собаку и приподнял к Илюше.*) Гляди, друг, видишь, глаз кривой и левое ухо надорвано, точь-в-точь те приметы, как ты рассказал. Я ее по этим приметам и разыскал! Тогда же и разыскал, скоро. Она ведь ничья была. Видишь, она тогда твой кусок, значит, не проглотила, успела выплюнуть. Ты и не заметил, что она выплюнула. А язык все-таки уколола, отчего тогда и завизжала. Ты и подумал, что проглотила. Она должна была очень визжать, потому что у собаки очень нежная кожа во рту... нежнее, чем у человека, гораздо нежнее!

Снегирев. Жучка! Так это-то Жучка! Илюшечка, ведь это Жучка, твоя Жучка! Маменька, ведь это Жучка!

Смурров. А я-то и не догадался!

Мальчики. — Молодец Красоткин!

— Молодец, молодец!

— Все ее искали, по всему городу, а он нашел.

Красоткин. Я вам расскажу, как было. Я ее разыскал, затащил к себе и никому не показывал до самого последнего дня. Я ее обучал. Она теперь у тебя будет дрессированная. Это я тебе... для тебя...

Снегирев. Господи, господи!

Красоткин. Илюша, я тебе могу еще одну штуку показать. Я тебе пушечку принес. Помнишь, я тебе еще тогда говорил про эту пушечку, а ты сказал: «Ах, как бы и мне ее посмотреть!» Ну вот я теперь и принес. Я эту штучку давно уже у чиновника Морозова выглядел — для тебя, старик, для тебя. Она у него стояла даром, от брата ему досталась. Я и выменял на книжку из папина шкафа: «Родственник Магомета, или целительное дурачество». Сто лет книжке, забытая,

в Москве вышла, когда еще цензуры не было, а Морозов до этих штучек охотник. Еще поблагодарил. Это я для тебя, для тебя! Давно приготовил.

Арина Петровна. Ах, подарите мне! Нет, подарите пушечку лучше мне!

Снегирев. Мамочка, мамочка! Пушечка твоя, твоя, но пусть она будет у Илюши, потому что ему подарили. Но она все равно что обтвоя, Илюшечка всегда даст тебе поиграть, она у вас пусть будет общая, общая...

Арина Петровна. Нет, не хочу, чтобы общая, нет, чтоб со всем моя была, а не Илюшина.

Илюша. Мама, возьми себе, вот возьми себе! Красоткин, мож но мне ее маме подарить?

Красоткин. Совершенно возможно! (*Берет пушечку у Илюши и передает Арине Петровне.*)

Арина Петровна. Илюшечка, милый, вот кто мамочку свою любит.

Снегирев. Маменька, дай я тебе ручку поцелую!

Ниничка (*вдруг*). Московский доктор приехал, московский доктор!

Все притихли. Слышино, как у дома остановилась, видимо, карета. Красоткин хотел уйти, но Илюша удержал его руками.

Красоткин. Я не уйду, не уйду. Я пережду в сенях и приду опять, когда уедет доктор.

Входит доктор. Это очень важный человек в медвежьей шубе, с длинными темными бакенбардами.

Доктор (*войдя в комнату, остался и не может понять, куда попал*). Что это? Где я?

Снегирев. Вы здесь-с, здесь-с, вы здесь-с, у меня-с, вам ко мне-с...

Доктор. Снегирев? Господин Снегирев — это вы?

Снегирев. Это я-с.

Доктор. А-а-а.. Где же пациент? (*Направляется к Илюшиной кровати.*)

Все, кроме обитателей квартиры, покидают комнату.

Сцена поворачивается, и действие переносится в сени.

Красоткин. Как вы думаете, что ему скажет этот доктор?

Алеша. Илюша умрет. Это, мне кажется, уж наверно.

Красоткин. Ох, эта медицина!.. Я рад, что узнал вас, Карамазов. Я давно хотел вас узнать. Жаль только, что мы так грустно встретились. Я слышал, что вы мистик и были в монастыре, но... Это меня не остановило. Прикосновение к действительности вас излечит... С натурами, как вы, не бывает иначе.

Алеша. Что вы называете мистиком? От чего излечит?

Красоткин. Ну там бог и прочее.

Алеша. Разве вы в бога не веруете?



Красоткин. Знаю, знаю. Как вы это все знаете наперед!  
Алеша. Но в целом все-таки благословите жизнь.

Красоткин. Именно. Благословляю, Карамазов! Что бы ни было, благословляю! Ура жизни! Ура!.. Вот и доктор. Господи, что-то скажет!

Появляется доктор, уже закутанный в шубу. За ним бежит штабс-капитан.

Снегирев. Ваше превосходительство, ваше превосходительство... неужели?

Доктор. Что делать! Я не бог.

Снегирев. Доктор... ваше превосходительство... И скоро это,

Доктор. При-го-това-тесь ко всему.

Снегирев. Ваше превосходительство, ради Христа!.. Ваше превосходительство!.. Так разве ничего, неужели ничего, совсем ничего теперь не спасет?

Доктор. Не от меня теперь за-ви-сит. Однако, гм, если б вы, например, могли... на-пра-вить... вашего пациента... сейчас и ни медля в Си-ра-ку-зы, то... вследствие новых благоприятных кли-ма-тических условий... могло бы, может быть, про-и-зойти...

Снегирев. В Сиракузы!

Красоткин. Сиракузы — это в Сицилии.

Снегирев. В Сицилию! Батюшка, ваше превосходительство, да ведь вы видели! А маменька-то, а семейство-то?

Доктор. Н-нет, семейство не в Сицилию, семейство на Кавказ, раннею весной... дочь вашу на Кавказ, а супругу — продержав курс вод тоже на Кав-ка-зе ввиду ее ревматизмов... немедленно после того на-пра-вить в Париж, в лечебницу доктора пси-хи-атра Л-пель-льетье, я бы мог вам дать к нему записку, и тогда...

Снегирев. Доктор, доктор! Да ведь вы видите!

Доктор. А это уж не мое дело. Я лишь сказал то, что могла сказать на-у-ка на ваш вопрос о последних средствах, а остальное... к сожалению моему...

Красоткин (*перебивая*). Не беспокойтесь, лекарь, моя собака вас не укусит.

Доктор. Что та-ко-е? (*Обращается к Алеше.*) Ка-кой это?..

Красоткин. Это хозяин Перезвона, лекарь, не беспокойтесь о моей личности.

Доктор. Звон?

Красоткин. Да не знает, где он. Прощайте, лекарь, увидимся в Сиракузах.

Доктор. Кто эт-то? Кто, кто?

Алеша. Это здешний школьник, доктор, он шалун, не обращайте внимания. Коля, молчите! Не надо обращать внимания, доктор.

Доктор. Выс-сечь, выс-сечь надо, выс-сечь! (*Затопал ногами.*)

Красоткин. А знаете, лекарь, ведь Перезвон-то у меня, пожалуй что и кусается! Иси, Перезвон!

Алеша. Коля, если вы скажете еще одно только слово, я с вами разорву навеки.

Красоткин. Лекарь, есть только одно существо в целом мире, которое может приказывать Николаю Красоткину, — это вот этот человек. Прощайте!

Доктор поспешил выбраться из сеней.

Сцена поворачивается. Перед нами снова квартира Снегирева. Из сеней входят Алеша, Красоткин, Снегирев.

Илюша. Папа, папа, поди сюда... мы... Как мне жалко тебя, папа!

Снегирев. Илюшечка... голубчик... доктор сказал... будешь здоров... будем счастливы... доктор...

Илюша. Папа, я ведь знаю, что тебе новый доктор про меня сказал... Я ведь видел! Папа, не плачь... а как я умру, возьми ты хорошего мальчика, другого... сам выбери из всех самого хорошего, назови Илюшой и люби его вместо меня...

Красоткин. Молчи, Илья, выздоровеешь!

Илюша. А меня, папа, меня не забывай никогда, ходи ко мне на могилку... Да вот что, папа, похорони ты меня у нашего большого камня, к которому мы с тобой гулять ходили, и ходи ко мне туда с Красоткиным, вечером... И чтоб Перезвон... А я буду ждать... Папа, папа!

Арина Петровна (*заплакала*). Илюшечка! Илюшечка!

Красоткин (*в смятении*). Прощай, старик, меня ждет мать к обеду. Как жаль, что я ее не предупредил. Очень будет беспокоиться... Но после обеда я тотчас к тебе, на весь день, на весь вечер, и столько тебе расскажу, столько расскажу!

Почти выбежал в сени, прижался лицом к бревнам стены.

Сцена поворачивается.  
Вслед за Красоткиным в сени вышел Алеша.

Алеша. Коля, вы должны непременно сдержать слово и прийти, а то он будет в страшном горе.

Красоткин. Непременно! Как я кляну себя, что не приходил раньше.

Из комнаты в сени выбежал полубезумный штабс-капитан.

Снегирев. Не хочу хорошего мальчика! Слышите, не хочу другого мальчика! Не хочу! Аще забуду тебе, Иерусалиме, да прильнет... (*Не договорив, обхватил голову руками, опять бросился в комнату.*)

Красоткин. Прощайте, Карамазов! Сами-то придет?

Алеша. Вечером непременно буду.

Красоткин. Что он это такое про Иерусалим?

Алеша. Это из Библии: «Аще забуду тебе, Иерусалиме...», то есть если забуду все, что есть у меня самого драгоценного, если променяю на что, — да поразит...

Красоткин (едва сдерживая слезы). Понимаю... Сами-то приходите! (Убегает.)

Алеша идет в комнату Снегиревых.

Темнота.

Вновь на возвышении высвечивается фигура Алеши.

Алеша (читает письмо). «Милостивый государь Алексей Федорович, я никогда не буду вашей женой, никогда... Мне необходимо, чтобы вы пришли ко мне по очень важному обстоятельству...» (Задумался. Дочитал письмо до конца молча и произнес только подпись.) «Лиза». (Сложил письмо, положил в карман.)

Темнота.

Гостиная в доме Хохлаковых.

Алеша пересекает сцену, направляясь в комнату Лизы, но опять распахивается дверь, в которую он только что вошел, и следом за ним идет госпожа Хохлакова.

Хохлакова. Так я и знала: вы пройдете к ней на цыпочках, чтобы я не слыхала. Я задержу вас только на одну минуту, Алексей Федорович. Я знаю, Лиза взяла назад свое детское обещание выйти за вас замуж... Конечно, это замужество — фантазия больной девочки. Она долго сидела в креслах, и вот... А сейчас немного ходит. Это московский доктор. Он был у Лизы... Я ему пятьдесят рублей заплатила... Милый Алексей Федорович, я смотрю на вас как на схимника, хотя вы и премило носите ваш новый костюм. Где это вы здесь достали такого портного?.. Я доверяю вам Лизу, она меня крайне беспокоит... Мне кажется, она просто помешалась. Вы сами увидите, какая она сегодня. Я вам раньше говорила... Она вчера ударила по лицу горничную, а потом ноги ей целовала. Она ужасна... Вы увидите... Я вас прошу узнать от Лизы все, а потом — расскажите мне... Кажется, она сюда идет. Я исчезаю, а то... (Исчезла.)

Нетвердой походкой в гостиную входит Лиза.  
Она бледна, взгляд воспаленный. Ее почти нельзя узнать.

Лиза. Мама рассказала, как я Юлию ударила?

Алеша. Откуда вы узнали?

Лиза. Я подслушивала. Отчего вы на меня уставились? Хочу подслушивать и подслушиваю. Прощения не прошу.

Алеша. Вы чем-то расстроены?

Лиза. Напротив, очень рада. Как хорошо, что я вам отказалася и не буду вашей женой. Вы в мужья не годитесь. Я за вас выйду, и вдруг дам вам записку, чтобы снести тому, которого полюбила после вас, — вы возьмете и непременно отнесете, да еще ответ принесете. И сорок лет вам придется, а вы все так же будете мои такие запискиносить.

Алеша. В вас что-то злобное и в то же время простодушное.

Лиза. Простодушное — это то, что я вас не стыжусь. Алеша, почему я вас не уважаю? Я вас люблю, но не уважаю. Верите, что я вас не стыжусь?

Алеша. Нет, не верю. Вы для чего меня звали, Лиза?

Лиза. Сообщить одно мое желание. Я не хочу быть счастливою.

Алеша. Полюбили беспорядок?

Лиза. Я хочу беспорядка. Я хочу зажечь дом. Я воображаю, как это я подойду и зажгу потихоньку. Непременно, чтобы потихоньку. Они тушат, а он горит... Глупости! И как скучно!

Алеша. Богато живете.

Лиза. Лучше, что ль, бедной-то быть?

Алеша. Лучше.

Лиза. Это вам ваш монах покойный наговорил. Это неправда. Пусть я богата, а все бедные. Я буду конфеты есть и сливки пить, а тем никому не дам. Вы мне уж прежде все это говорили, я все наизусть знаю. Скучно... Вам не стыдно со мной сидеть?

Алеша. Нет.

Лиза. Что сделают на том свете за самый большой грех? Вам это должно быть в точности известно.

Алеша. Бог осудит.

Лиза. Вот так я и хочу. Я бы пришла, а меня бы и осудили. А я бы вдруг всем им и засмеялась в глаза... Я ужасно хочу зажечь дом, Алеша. Наш дом. Вы мне все не верите?

Алеша. Почему же? Есть даже дети лет по двенадцати, которым очень хочется зажечь что-нибудь, ударить ножом — и они зажигают. Это вроде болезни.

Лиза. Никакой тут болезни нет.

Алеша. Зачем делать зло?

Лиза. А чтобы нигде ничего не осталось. Знаете, Алеша, я иногда думаю наделать ужасно много зла. И долго буду тихонько делать. И вдруг все узнают. Все меня обступят и будут показывать на меня пальцами, а я буду на всех смотреть. Это очень приятно. Почему это так приятно, Алеша?

Алеша. Так. Потребность раздавить что-нибудь хорошее. Или вот, как вы говорите, — зажечь. Это тоже бывает.

Лиза. Я ведь не то что говорила. Я ведь и сделаю.

Алеша. Верю.

Лиза. Как я вас люблю за то, что вы говорите — верю. Вы не лжете. Может быть, вы думаете, я нарочно, чтобы вас подразнить.

Алеша. Нет, не думаю. Хотя, может быть, и есть немного этой потребности.

Лиза. Немного есть.

Алеша (задумчиво). Есть минуты, когда люди любят преступление.

Лиза. Вы мою мысль сказали, мою! Любят! Все любят и всегда любят, а не то что минуты. Знаете, в этом все как будто когда-то усоловились лгать, и все с тех пор лгут. Все говорят, что ненавидят дурное, а про себя все его любят.

Алеша. А вы все по-прежнему дурные книги читаете.

Лиза. Читаю. Мама читает и под подушку прячет, а я краду.

Алеша. Как вам не совестно разрушать себя!

Лиза. Я хочу себя разрушать. Тут есть один мальчик, он под рельсами пролежал, когда над ним вагоны проехали. Счастливец!

Алеша. Лиза, это ваша болезнь такой вас сделала. Вы за свои

страдания на жизнь обиделись, теперь хотите жизни мстить. Может быть, вам тоже под поезд лечь нужно, чтобы вагоны сверху прошли? Пройдут, и больше жизнь полюбите.

Лиза. Отнесите меня на железную дорогу, положите под рельсы!.. Не отнесете, испугается.

Алеша. Нет, почему же, отнесу.

Лиза (*вдруг обхватив Алешу*). Спасите меня, Алеша!.. Что вы так посмотрели на меня?

Алеша. Я не на вас. Мне почему-то вдруг показалось, что сейчас умер один мальчик.

Лиза. Какой мальчик?

Алеша. Илюша.

Лиза. Это сын того...

Алеша. Да... Простите, Лиза, я пойду к ним. Там плохо.

Лиза. Идите, идите. А меня оставьте.

Алеша. Я вас никогда не оставлю, Лиза.

Лиза. И такую?

Алеша. И такую.

Лиза. Будете терпеть?

Алеша. Непременно буду.. На свете много несчастных, Лиза. Может быть, совсем счастливых людей и вообще нет. Это должно вас утешить.

Лиза. Это хорошо, что нет счастливых. Очень хорошо, очень... Говорят, вы с какими-то мальчиками пропадаете?

Алеша. Да, я бываю с ними. Там семья несчастная.

Лиза. Не люблю несчастных. Я сильных люблю. И сама хочу быть сильной, властной.

Алеша. Это хорошо. Только сильные на свете нужны для того, чтобы они помогали тем, у кого сил мало. (*Улыбнулся*) А то будут все сильные, что же им делать! Разве что ходить да силу свою показывать.

Лиза. Вы туда ходите добро делать?

Алеша. Если возможно. И сам себе смысл жизни ищу. Если бы вы когда-нибудь пришли к нам...

Лиза. Вот еще!

Алеша. Нет, любопытствовать не надо... Если захочется.

Лиза. Идите, мне уже лучше. Я устала.

Алеша пошел к двери.

Отчего вы не спросили, зачем я вас позвала?

Алеша. Я понял. Вам просто плохо, вы и позвали.

Лиза. Идите, идите! Может быть, верно, что ваш мальчик умер... Только я не люблю вас, знайте.

Алеша. Я знаю.

Алеша уходит.

Лиза (*берет щипцы для орехов, зажимает в них палец. Жмет все сильнее и сильнее, приговаривая*). Подлая! Подлая! Подлая!

Темнота.

Комната и сени в доме, где живет штабс-капитан Снегирев. Под образами на простом дощатом столе стоит белый гроб, весь убранный цветами. Лица Илюши, лежащего в гробу, почти не видно. В доме не людно, но народ есть: гимназисты — друзья Илюши, хозяйка, два-три соседа. Все тихо, деловито. Над гробом горят свечи.

Входит Алеша с цветами. Отдает цветы Снегиреву.

Тот несет их к гробу.

Арина Петровна. Папочка, дай и мне цветочки.

Снегирев (*тихо, не нарушая драматизма минуты*). Никому не дам, ничего не дам. Его цветочки, а не твои. Все его, ничего твоего. (*Кладет цветы на гроб*.)

Арина Петровна плачет.

Ниничка (*тоже тихо*). Папа, дайте маме цветок.

Снегирев (*так же*). Не дам. А ей пуще — она его не любила. Она у него пушечку отняла.

Входят Хохлакова и Лиза. Алеша подходит к ним.

Алеша. Вы?

Хохлакова. Она настоящая. Вы знаете ее. Сказала — одна уйду, уползу.

Лиза. Я не из любопытства пришла. Я за истиной. (*Робко осматривает комнату и находящихся в ней людей*.)

Хохлакова кладет цветы на гроб.

Алеша. Пора...

Люди один за другим двинулись к гробу прощаться.

Снегирев (*громко*). Не хочу в ограде хоронить. У камня похороню, у нашего камушка. Так Илюшечка велел.

Хозяйка кварты. Чего выдумали — у камня. Как утопленника, что ли? В ограде надо.

Снегирев сник. Идет прощание, и в это время слышны реплики.

Ниничка. Мама, окрести его, благослови, поцелуй.

Арину Петровну с трудом под руки подводят к гробу. Она целует, крестит сына.

Снегирев. Корочку, корочку не забыть! (*Достал каравай хлеба, отломывает кусок*) Илюша приказал: как похоронят, покроши на мотилку корочку, птички прилетят.

Алеша. Это хорошо. Каждый день надо носить.

Красоткин (*Алеше*). Как вы думаете, Карамазов, приходить нам сюда завтра? Ведь он пьяный будет.

Алеша. Может быть, и пьяный. Только завтра мы вдвоем придем, и довольно. Посидим с ним, с Ниной. А если все придем разом, опять им все напомним.

Смурнов. В той комнате хозяйка стол накрывает. Это поминки, что ли? Приходить нам туда после похорон, Карамазов, или нет?

Алеша. Непременно.

Красоткин. Странно и неестественно все это по нашей религии. Такое горе, и вдруг какие-то там блины...

Караташов. У них и семга будет, я видел.

Красоткин. А вас серьезно прошу, Карташов, не вмешивать-  
ся с вашими глупостями, особенно когда с вами не говорят и не хотят  
даже знать, есть ли вы на свете.

Прощанье с покойником кончилось. Алеша дал знак. Все мальчики подошли к гробу,  
стали поднимать его на плечи.

Снегирев. Постойте, постойте, мамочки цветочков, обидели  
мамочку! (*Припал к гробу.*)

Красоткин. Капитан, мужественный человек обязан перенести...

Алеша. Цветы-то Арине Петровне, она плачет. (*Дает Снегиреву  
цветы.*)

Снегирев (*отдавая Арине Петровне цветы*). Тебе от Илюшечки, мамочка.

Арина Петровна. Куда вы его уносите, куда!

Смуров и Карташов взяли по охапке лежащего в углу елового лапника, стали впереди  
усопшего и, когда гроб поплыл к двери, начали бросать ветки. Все, кроме матери  
и Ниночки, двинулись за гробом.

Поворот круга.  
Возникает место у камня. К нему идут мальчики. Чуть поодаль Хохлакова  
и Лиза. Алеша поднимается на камень.

Алеша. Господа, мне хотелось бы сказать здесь, на этом самом  
месте, одно слово. Мы расстаемся, господа. Я здешний город скоро  
покину, может быть, очень надолго. Согласимся же здесь, у Илюши-  
на камня, что не будем никогда забывать, во-первых, Илюшечку, а  
во-вторых, друг о друге. И чтобы там ни случилось с нами потом в  
жизни, хоть бы мы и двадцать лет потом не встречались, все-таки  
будем помнить о том, как мы хоронили Илюшу, в которого прежде  
бросали камнями. И хотя бы потом мы были заняты самыми важны-  
ми делами, достигли почестей или впали бы в какое-нибудь воспо-  
минание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского  
дома. Вам много говорят про воспитание ваше. А вот какое-нибудь  
этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства,  
может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать  
таких воспоминаний с собой в жизнь, то спасен человек на всю  
жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас  
останется, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение.  
Может быть, мы даже станем злыми потом, даже перед дурным по-  
ступком устоять будем не в силах, и все-таки, как ни будем злы, но  
как вспомним про то, как хоронили Илюшу, как мы говорили так  
дружно и так вместе у этого камня, то самый жестокий из нас челове-  
к не посмеет посмеяться в тот момент над тем, как он был добр и  
хорош в эту теперешнюю минуту.

Красоткин. Это непременно так и будет, Карамазов!

Все. Будет, будет!

Алеша. Это я говорю на тот страх, что мы дурными сделаемся.  
Но зачем же нам и делаться дурными, не правда ли, господа? Будем,  
во-первых и прежде всего, добрыми, потом — честными, и потом —

не будем никогда забывать друг о друге и об Илюше, который один  
восстал против целого класса за честь отца и правду.

Все. Будем! Будем помнить!

Алеша. Хороша жизнь, когда что-то сделаешь хорошее и прав-  
дивое.

Все. Да, да, верно!

Алеша. Ну, а теперь кончим речи и пойдем на поминки Илю-  
ши. Не смущайтесь, что блины будем есть. Это ведь старинное, веч-  
ное, и тут есть хорошее. (*Сходит с камня.*) Ну, пойдемте же.

Берут друг друга за руки.

Вот мы теперь и идем рука в руку.

Красоткин. И вечно бы так, всю жизнь, рука в руку!

Все начинают идти, тихо приговаривая: «Рука в руку! Рука в руку! Рука в руку!»  
Медленно гаснет свет.

Занавес

1971